
Александр ГУТОВ

СВЕРЧОК

Бьет ослепительный зрачок
напротив — из окна;
куда ты прячешься, сверчок,
когда кругом весна?

В стволах стремительный напор —
то соки рвутся вверх;
окна распахнутый простор,
как подыманье век.

Холодным островом снежок,
неясный мир теней.
Куда ты прячешься, дружок,
от этих смутных дней?

Бьет ослепительный зрачок
напротив — из окна.
Куда ты спрячешься, сверчок,
в такие времена?

ДОНБАСС

Я улыбку, как маску, сдираю с лица;
а война под завязку, ей не видно конца.
Не хожу я в строю, не ношу я погон,
а страна на краю; видно, так испокон
тот же, черный, в степях, где России исток,
и поток второпях держит путь на восток.

Как меняется карта? — быстрее, чем лицо.
Чья надежнее Арта? Что: котел ли, кольцо?
«Бээмпэхи», разгрузки, подствол, акээс —
нет важнее по-русски сегодня словес.

Я жива! Я живой! — нет значительней слов.
И заряд боевой в черных шахтах стволов.

Александр Геннадиевич Гутков родился в Москве в 1963 году. Окончил МГПИ им. Ленина. Филолог. Член Союза литераторов Москвы. Стихи опубликованы в журналах «Дружба народов», «Юность», «Московский вестник», «Арион», «Сибирские огни», «Кольцо „А“», «День и ночь», в чешском журнале «Умелек», саратовском журнале «Волжский стрежень». Проза публиковалась в журнале «Юность».

МЫ

Кто прибавил, в гневе на столицу,
ураган к обещанной грозе?
Дерево сломало, словно спицу
в колесе.

Тысячи кубов пролито даром;
а когда исчез девятый вал,
словно из печи, пахнуло жаром,
наповал.

Будто где-то в Мексике иль Перу
для столицы взяли зной займы.
Кто-то в небесах не знает меру.
Он такой, как мы.

ЮГО-ЗАПАД

Тут не форма — разрыв в полной мере,
крен дорог, убегающих вниз;
кто-то, схожий лицом с Алигьери,
над бездонным провалом завис.

Наклонился и смотрит упрямо
на какой-то багровый поток;
только слышно там: доченька! мама!
Вход и буквами — Юго-Восток.

Он пройдет, до девятого даже,
где никто уж не верит в рассвет,
и прорвется сквозь мрачную стражу
узким горлом в чистилищный свет.

Что ж о рае? Он нам неизвестен,
но вон тот, что упал средь жнивья,
в камуфляже, в раю он уместен.
Рай для павших за други своя.

ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ

В Советской носили портянки с кирзою;
то время ушло, — и равно мезозою,
и древние слышат, кучкуясь в сторонке,
как ближних соседи хоронят в воронке.

Трещат континенты, что хрупкие кости;
для мирных удача — лежать на погосте.

Красивы, как в кадре, подобны артистам,
мальчишки в разгрузках и в чем-то пятнистом.
Не пишут письмо на саперной лопатке:
иная пора — эсэмэски их кратки.
Казалось бы, времени порваны нити,
но кто-то из них будет завтра в граните.

Лет двадцать назад — были Сунжа и Терек.
Донец — переправа на западный берег.
Горячая гибкая плоть в камуфляже;
понтонные все те же, задача все та же.
Красивые шлемы, удобные берцы,
и в небе все чаще открытые дверцы.

БААЛ

Ни у кого не будет плащаницы;
в лесах темнеют черные ступни.
Зачем сюда слетаются синицы,
как молний желто-синие огни?

Какой уже народ узнает это:
не прикасайтесь к мощным проводам;
там смерть — на каждом метре ее мета —
идет по свежим вдавленным следам.

Кто сверху видит все? Какие боги?
Ваш каждый шаг расчислен и внесен
расчетом в цифровые каталоги
и от живых оградой обнесен.

Не прикасайтесь, все под напряженьем;
дорожный знак — кирпич кроваво-ал.
Дорога завершается суженьем.
А дальше — лес, жестокий, как Ваал.